

Научная статья

УДК 903.22, 903.26(571.5), 623.445.1
DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130

Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного исторического музея

Леонид Александрович Бобров¹
Сергей Сергеевич Зозуля²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Государственный исторический музей
Москва, Россия

¹ spsml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5071-1116>

² zozulia.sergey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8662-4935>

Аннотация

Изучены панцирные пластины, хранящиеся в Государственном историческом музее. Они происходят из кургана, раскопанного В. В. Радловым в Причумылье в 1863 г. Набор состоит из 30 рельефных (ярусных) пластин, на которых фиксируются остатки органической основы доспеха. Ее нижний слой был выполнен из кожи, верхний – из красной шерстяной ткани. Пластины крепились с внутренней стороны органической основы панциря с помощью заклепок. Подобные доспехи были известны у русских и тюрков под названием «куяк», у европейцев – «бригандина». Установлено, что пластины из Причумылья были изготовлены ойратскими или южносибирскими мастерами XVII – середины XVIII в. Датировка подтверждается находкой в одном из курганов русских монет первой половины XVII в.

Ключевые слова

В. В. Радлов, Причумылье, Чердат, ойраты, пластинчато-нашивной доспех, панцирные пластины, «куяк», «бригандина»

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Для цитирования

Бобров Л. А., Зозуля С. С. Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного исторического музея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 115–130. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130

Armor Plates from the Excavations of V. V. Radlov in the Collection of the State Historical Museum

Leonid A. Bobrov¹, Sergey S. Zozulya²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² State Historical Museum
Moscow, Russian Federation

¹ spsml@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5071-1116>

² zozulia.sergey@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8662-4935>

Abstract

Purpose. The paper focuses on the armor plates stored in the funds of the State Historical Museum (SHM). They come from the burial mound excavated by V. V. Radlov in the Prichulyum region in 1863.

Results. The set consists of 30 plates on which the remains of the organic basis of the armor are fixed. All plates of the series have a prominent (tier-like) surface, 29 of them are equipped with five iron rivets located in a cross. Two plates had buckles that tightened the cut of the shell (only one of them is preserved). The inner layer of the organic base of the armor was made of leather, while the outer layer was made of red woolen fabric. The design features make it possible to classify the armor as lamellar-sewn (lamellar-riveted) shells with internal armor, which were known among the Russians and Turks as “kuyak” (from Mong. “Huyag”), and among the Europeans as “brigandine”. Based on the typological analysis carried out, it was established that the plates were made by Oirat or South Siberian craftsmen of the 17th – mid-18th centuries, which is confirmed by the find of the Russian copper coins of the first half of the 17th century in one of the burial mounds. Apparently, the SHM plates did not constitute a self-consistent protective element, but were cut off from a larger piece of armor (presumably a bib or back plate). The armor itself could have been cut in the form of a “cuirass” with one or two lateral cuts. Cut in the form of “cataphracts”, “vest” or swing “robe” is less likely.

Conclusion. Plates from the Prichulyum region can be used as a standard for dating and attribution of similar plates from the territory of Central Asia and South Siberia.

Keywords

V. V. Radlov, Prichulyumye, Cherdak, Oirats, lamellar-sewn armor, armor plates, “kuyak”, “brigandine”

Acknowledgements

The study was carried out as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project no. FSUS-2020-0021)

For citation

Bobrov L. A., Zozulya S. S. Armor Plates from the Excavations of V. V. Radlov in the Collection of the State Historical Museum. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 115–130. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130

Введение

В фондах Государственного исторического музея (ГИМ) хранится фрагмент пластинчатого доспеха, найденного В. В. Радловым в одном из курганов Причудульмья в 1863 г. [Радлов, 1989, с. 459, 465, 479; Кренке, 1984, с. 137–139, 141].

Данный фрагмент защитного вооружения неоднократно привлекал внимание отечественных исследователей. Прорисовки отдельных пластин были опубликованы в трудах Н. А. Кренке [1984, с. 139, рис. 1, 13], А. И. Соловьева [1987, с. 56, 57], Ю. С. Худякова [1991, с. 89, 90] и др.¹ Однако весь комплекс панцирных пластин (насчитывающий 30 экз.) еще ни разу не становился объектом специального научного исследования. Вместе с тем он представляет значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов и оружейников, так как находки из Причудульмья традиционно используются исследователями в качестве эталона при датировке и атрибуции аналогичных пластин с территории Южной Сибири и Центральной Азии.

¹ Фотографии пластин впервые публикуются в настоящей работе.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о наборе панцирных пластин из раскопок В. В. Радлова. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции всех 30 пластин серии, зафиксировать особенности оформления органической основы панциря, уточнить его датировку и атрибуцию.

Результаты исследований и обсуждение

Прежде чем приступить к характеристике панцирных пластин кратко охарактеризуем обстоятельства их обнаружения.

В 1863 г. В. В. Радлов произвел раскопки двух курганных групп, расположенных в бассейне р. Кия, левого притока р. Чулым (у деревень Улу-Кель и Малый Чердат). Сам исследователь локализует место раскопок следующим образом: «Севернее города Мариинска, на берегах Верхней Кии и речки между Кией и Чолымом, я наткнулся на насыпные земляные курганы, которые по большей части стояли тесными группами по берегам рек... Только в двух местах, по пути на Чердат, увидел могилы, которые казались нетронутыми, поэтому здесь и произвел раскопки... Расположены они так близко друг к другу, что иногда соприкасаются краями. Я произвел раскопки этих курганов на Улукёле, примерно в 60 верстах от Мариинска, и на реке Чердат» [Радлов, 1989, с. 459]. В общей сложности были изучены около 40 курганов [Кренке, 1984, с. 137].

Полученные в ходе раскопок материалы были переданы в том же 1863 г. в Археологическую комиссию, а оттуда в 1865 г. – в Румянцевский музей [Там же]. В настоящее время указанные предметы (104 экз.) хранятся в фондах ГИМ (инв. № ГИМ 54746 Оп. В 1037/82-104)². В одном из изученных В. В. Радловым курганов были обнаружены медные русские монеты первой половины XVII в. На основании данной находки все остальные компактно расположенные курганы по рекам Верхняя Кия и Чердат были датированы исследователем XVII в. [Радлов, 1989, с. 459, 460]. Типологический анализ предметов из данных памятников, проведенный Н. А. Кренке, подтвердил датировку, предложенную автором раскопок [Кренке, 1984, с. 142].

Относительно обнаружения предметов защитного вооружения сам В. В. Радлов сообщал следующее: «Панцири ([встречаются] крайне редко, состоят из искусно выкованных прямоугольников, нашитых на матерью или кожу [нижнее платье])... Только в одном погребении я нашел железный чешуйчатый панцирь. Панцирь был на шерстяной подкладке, от которой остались целые куски, прекрасно сохранившиеся. Шерстяная материя была очень грубой и напоминала шерстяную пряжу русских крестьян, так что мы, пожалуй, вправе считать, что она была собственного производства» [Радлов, 1989, с. 465, 479].

Описание панцирного комплекса

В настоящее время набор включает 30 панцирных пластин (коллекционная опись № 1037, № 82-103)³, в том числе 19 отдельных пластин (№ 84-103), а также три фрагмента доспеха соединенных между собой органической основой: № 82 (шесть пластин, одна из которых снабжена пряжкой), № 83 (три пластины), № 103 (две пластины).

Размеры и вес пластин можно представить в виде таблицы.

² Н. А. Кренке ошибочно указал в качестве инвентарных номеров коллекции В. В. Радлова в ГИМ № 23/29а, б; Р 21/29а; Р 13/36а; Р 21/28б; Р9/32б, Р9/46. Однако это не номера коллекций, а номера шкафов и полок хранения.

³ Распространенное в научной литературе мнение о том, что в ГИМ хранится лишь 29 пластин, ошибочно.

Размеры и вес панцирных пластин
Dimensions and weight of armor plates

№	Размеры, см	Вес, г	Примечание
82а	8,5 × 7,3	317,35 ¹	Пять заклепок. Пластина снабжена пряжкой (рис. 1, 1а, 2)
82б	8,1 × 7,4		Пять заклепок. Крайняя пластина в ряду (рис. 1, 1б)
82в	8,5 × 7,8		Пять заклепок. Крайняя пластина в ряду (пряжка не сохранилась) (рис. 1, 1в)
82г	8,9 × 7,3		Пять заклепок. Крайняя пластина в ряду (рис. 1, 1г)
82д	9 × 7,4		Пять заклепок. Внутренний ряд (рис. 1, 1д)
82е	7,6 × 7,6		Пять заклепок. Внутренний ряд (рис. 1, 1е)
83а	9,3 × 8,9	159,51 ²	Пять заклепок (незначительно смещены) (рис. 1, 3а)
83б	7,7 × 8		Пять заклепок (смещены). Нижний край (ближе к правому углу) поврежден (рис. 1, 3б)
83в	8,4 × 7,6		Пять заклепок (рис. 1, 3в)
84	9,2 × 7,6	37,36	Пять заклепок (смещены) (рис. 2, 1)
85	9,1 × 8,5	57,05	Пять заклепок. Правый край (ближе к правому верхнему углу) и нижние углы повреждены (рис. 2, 2)
86	10,1 × 8	64,09	Пять заклепок (смещены) (рис. 2, 3)
87	9,5 × 8,2	61,8	Пять заклепок (смещены). Левый край незначительно поврежден (рис. 2, 4)
88	9,6 × 8,5	61,95	Пять заклепок (смещены). Верхний край имеет незначительные повреждения (рис. 2, 5)
89	9,7 × 7,3	47,11	Пять заклепок (смещены). Вырез на правой стороне пластины. Верхний край и верхний левый угол повреждены (рис. 2, 6)
90	7,5 × 8,1	41,88	Пять заклепок. Незначительные повреждения по краям (рис. 2, 7)

Окончание таблицы

№	Размеры, см	Вес, г	Примечание
91	7,8 × 8	39,21	Четыре заклепки. Нижний край и левая сторона пластины повреждены (рис. 2, 8)
92	8,2 × 7,6	36,22	Пять заклепок. Нижние углы повреждены (рис. 3, 1)
93	8 × 7,6	49,33	Пять заклепок (рис. 3, 2)
94	8,3 × 7,3	41,67	Пять заклепок (рис. 3, 3)
95	8,5 × 7,2	42,39	Пять заклепок (смещены) (рис. 3, 4)
96	8,4 × 8	37,42	Пять заклепок. Верхний левый угол обломан. Повреждения по краям (рис. 3, 5)
97	8,7 × 7	49,96	Пять заклепок (рис. 3, 6)
98	8,3 × 7,9	56,49	Пять заклепок. Трещина на левом краю (рис. 3, 7)
99	7,9 × 7,9	51,24	Пять заклепок. Поврежден бортик по правому краю (рис. 3, 8)
100	8,1 × 7,7	50,47	Пять заклепок (рис. 4, 1)
101	9,2 × 8,1	54,91	Пять заклепок. Верхний левый угол обломан (рис. 4, 2)
102	8,4 × 8,3	44,09	Пять заклепок. Нижний край поврежден (рис. 4, 3)
103а	8,2 × 7,4	89,31 ³	Пять заклепок. Нижний левый угол обломан (рис. 4, 4а)
103б	7,7 × 7,5		Пять заклепок. Нижний левый угол обломан (рис. 4, 4б)

¹ Общий вес фрагмента № 82 (шесть пластин).

² Общий вес фрагмента № 83 (три пластины).

³ Общий вес фрагмента № 103 (две пластины).

Рис. 1 (фото). Фрагменты доспеха № 82 и № 83:

- 1 – фрагмент 82: лицевая (слева) и тыльная стороны; 2 – пряжка на фрагменте 82;
 3 – фрагмент 83: лицевая (вверху) и тыльная стороны (фото С. С. Зозули)
- Fig. 1* (photo). Fragments of the armor from the State Historical Museum no. 82 and no. 83:
 1 – fragment no. 82: front (left) and back sides; 2 – buckle on fragment no. 82;
 3 – fragment no. 83: front (top) and back (photo by S. S. Zozulya)

Средний вес одной пластины (с учетом фрагментов органики) колеблется от 36,22 до 64,09 г. Общий вес всех 30 пластин (с учетом органики) – 1 490,81 г. Пластины крепились к матерчатой основе с помощью железных заклепок с округлыми уплощенными шляпками диаметром 0,8–1,2 см.

По материалу изготовления все пластины относятся к классу железных⁴, по системе соединения пластин с органической основой – к отделу пластинчато-нашивных (пластинчато-

⁴ Рентгеноспектральный анализ не проводился. Осмотр пластин позволяет предположить, что они изготовлены из низкоуглеродистой стали. Подобные изделия сочетают достаточно высокую прочность с ковкостью, пластичностью, возможностью дополнительной механической обработки включая резанье и сверление [Бобров, Ожередов, 2021, с. 47].

клепаных) с внутренним бронированием⁵, по сечению пластин – к группе рельефных. На основании формы пластины выделяются два типа, дополненных рядом вариантов.

Рис. 2 (фото). Пластины № 82–91 (лицевая и тыльная стороны):
1 – № 84; 2 – № 85; 3 – № 86; 4 – № 87; 5 – № 88; 6 – № 89; 7 – № 90; 8 – № 91
(фото С. С. Зозули)

Fig. 2 (photo). Plates no. 82–91 (front and back sides):
1 – no. 84; 2 – no. 85; 3 – no. 86; 4 – no. 87; 5 – no. 88; 6 – no. 89; 7 – no. 90; 8 – no. 91
(photo by S. S. Zozulya)

⁵ Данная разновидность панцирей была известна в Западной Европе, как «бригандина» (англ. brigandine, нем. brigantine), а среди тюркских народов и на Руси – под названием «куяк» (от монг. хуяг) [Бобров, Ожередов, 2021, с. 26, 27]. Отличительной особенностью эталонных образцов таких доспехов является конструкция защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепятся к плотной органической (как правило, многослойной) основе с внутренней стороны.

Рис. 3 (фото). Пластины № 92–99 (лицевая и тыльная стороны):
1 – № 92; 2 – № 93; 3 – № 94; 4 – № 95; 5 – № 96; 6 – № 97; 7 – № 98; 8 – № 99
(фото С. С. Зозули)

Fig. 3 (photo). Plates no. 92–99 (front and back sides):
1 – no. 92; 2 – no. 93; 3 – no. 94; 4 – no. 95; 5 – no. 96; 6 – no. 97; 7 – no. 98; 8 – no. 99
(photo by S. S. Zozulya)

Тип 1. Прямоугольные рельефные пластины с пятью заклепками, расположенными крестом.

Вариант 1. Прямоугольные рельефные (ярусные) пластины с пятью заклепками, расположенными крестом и пряжкой из медного сплава (рис. 1, 1а, 1в, 2).

Включает 2 экз. (№ 82а, 82в). Высота 8,5 см, ширина 7,3–7,8 см.

Пластины имеют рельефную поверхность. Специальные ребра делят их плоскость на три яруса, повторяющих форму пластины. При этом каждый следующий внутренний ярус расположен ниже внешнего. Таким образом, пластина как бы «утопает сама в себя». По краю пластин пропущен выпуклый бортик. В верхней половине пластин вбиты пять заклепок с округлыми шляпками, расположенные в виде креста.

Рис. 4 (фото). Пластины № 100–103 (лицевая и тыльная стороны):
1 – № 100; 2 – № 101; 3 – № 102; 4 – фрагмент доспеха № 103
(фото С. С. Зозули)

Fig. 4 (photo). Plates no. 100–103 (front and back sides):
1 – no. 100; 2 – no. 101; 3 – no. 102; 4 – fragment of armor no. 103
(photo by S. S. Zozulya)

К нижнему углу пластины № 82а приклепана пряжка из медного сплава (рис. 1, 1а, 2). Обращенный к пластине внутренний край фиксатора снабжен остроугольным вырезом. Внешний край оформлен фестонами, придающими пряжке вид трехлепесткового бутона. Поверхность пряжки украшена гравировкой в виде полукруглых и остроугольных лепестков. Их внутреннее пространство заполнено канфарением в виде множества мелких точек. На фиксаторе пряжки помещено изображение двух четырехлепестковых цветков, в центре которых расположены шляпки заклепок (рис. 1, 2). По краю пряжки пропущен гравированный бортик. Язычок утерян.

На пластине № 82в пряжка не сохранилась, однако на ее наличие в первоначальной комплектации доспеха указывают дополнительное отверстие и заклепка в нижнем углу пластины (рис. 1, 1в). Их расположение и оформление аналогично заклепкам для пряжки на пластине № 82а (рис. 1, 1а).

Судя по целиком сохранившимся центральноазиатским пластинчато-нашивным доспехам близкой конструкции, снабженные пряжками пластины рассматриваемого типа, располагались вдоль разреза панциря [Бобров, Ожередов, 2021, с. 51, 52, 58, 59, 68–72, 75, 162–169]. Пропущенные в пряжки ремешки стягивали и фиксировали полы или боковые части корпусного доспеха.

Вариант 2. Прямоугольные рельефные (ярусные) пластины с пятью заклепками, расположенными крестом (рис. 1, 1б, 1г, 1д, 3; 2; 3, 1–7; 4).

Включает 25 экз. Самая популярная разновидность пластин серии. Все они имеют ярусную конструкцию, и пять заклепок, расположенных в виде креста, как правило, в верхней или центральной части пластины. Между собой они различаются размерами, пропорциями и, возможно, особенностью расположения в составе доспеха.

Численно преобладают пластины высотой 8,0–9,5 см при ширине 7,3–8,3 см (см. таблицу). Также стоит отметить пластины почти квадратной формы, стороны которых различаются лишь на 1–5 мм (№ 83а, 83б, 91, 93, 96, 98, 100, 102).

В ряде случаев ширина пластин могла быть больше их длины (высоты): № 83б, 90, 97 (рис. 1, 3б; 2, 7; 3, б). Однако следует учитывать, что определение высоты и ширины последних двух пластин выполняется на основе расположения заклепок. Не исключено, что в составе доспеха пластины располагались стандартным образом (т. е. вертикально), а размещение заклепок обусловлено неаккуратностью оружейника или особенностями сборки (рис. 3, б). В пользу данной версии свидетельствуют размеры длинных сторон пластин (8,1 и 8,7 см), которые в целом соответствуют типичной высоте многих других экземпляров серии (см. таблицу).

Некоторые заклепки размещены на поверхности пластины несимметрично (рис. 1, 3а, б; 2, 1, 3, б; 3, 4). Учитывая, что большинство пластин и заклепок не повреждены, можно предположить, что в указанных случаях несимметричное расположение вызвано не повреждениями поверхности панциря или составляющих его элементов (например, вследствие удара оружия противника), а небрежностью мастера в процессе приклепывания пластин к органической основе доспеха. Лишь в одном случае (№ 86), с высокой долей уверенности, можно предполагать, что симметрия была нарушена сознательно ввиду повреждения центральной части пластины (рис. 2, 3). Весьма вероятно, что именно выявленный дефект, вынудил оружейника вбить две заклепки ближе к верхнему краю пластины.

Вариант 3. Прямоугольные рельефные (ярусные) пластины с четырьмя заклепками, расположенными ромбом (рис. 2, 8).

Включает 1 экз. (№ 91). От остальных пластин серии, данный экземпляр отличается наличием лишь четырех заклепок вместо пяти. Отсутствие дополнительного отверстия позволяет предположить, что пластина изначально имела такое оформление. В настоящее время сложно сказать, было ли это вызвано небрежностью мастера либо часть пластин доспеха из Причудлымья действительно оформлялась подобным образом.

Тип 2. Квадратные рельефные пластины с пятью заклепками, расположенными крестом.

Вариант 1. Квадратные рельефные (ярусные) пластины с пятью заклепками, расположенными крестом (рис. 1, 1е; 3, 8).

Включает 2 экз. (№ 82е, 99)⁶. От основной массы пластин, данные образцы отличаются своей квадратной формой и небольшими размерами (стороны пластин составляют 7,6 и 7,9 см соответственно). Все остальные элементы оформления идентичны прямоугольным пластинам с пятью заклепками.

На лицевой стороне всех пластин серии сохранились более или менее крупные фрагменты матерчатой основы доспеха. Они представляют собой грубую шерстяную ткань красного цвета (см. рис. 1–4). Под шляпками некоторых заклепок размещены специальные кожаные подложки-«шайбочки», которые на 0,2–0,3 мм превышают диаметр самих шляпок (рис. 1, 2). В тех местах, где «шайбочки» не сохранились, виден зазор между шляпками заклепок и тканью. Последний факт свидетельствует в пользу того, что в первоначальной комплектации панциря все заклепки были снабжены кожаными подложками. Последние, вероятно, должны были предотвратить повреждение шерстяной «покрышки» доспеха при соприкосновении с краями железных шляпок заклепок.

В отдельных местах под красной тканью прослеживается слой кожи толщиной около 1 мм. Самые крупные ее фрагменты фиксируются поверх пластин № 82б и 103а (рис. 1, 2;

⁶ К этим пластинам также примыкают № 83б, 91, 102, 103б, высота и ширина которых отличается лишь на 1–3 мм.

4, 4а). Несмотря на то что кожа сохранилась не повсеместно, есть основания полагать, что первоначально кожаное покрытие было сплошным. Наиболее вероятно, что органическая основа панциря имела двуслойную структуру. Внутренний слой состоял из кожи, внешний (лицевой) – из красной шерстяной ткани. Пластины приклепывались с внутренней стороны комбинированной органической основы таким образом, что и кожа, и ткань оказывались зажаты между головками заклепок и собственно пластинами. Подобное технологическое решение обеспечивало органической основе доспеха необходимую надежность и затрудняло ее повреждение в ходе эксплуатации «куяка». Кроме того, слои материи и кожи защищали пластины подбоя от воздействия влаги и нагревания на солнце. Наконец, сочетание ярко-красной «покрышки» с начищенными шляпками заклепок на лицевой поверхности «куяка» придавали доспеху яркий нарядный вид.

Датировка и атрибуция

Рельефные ярусные пластины, снабженные пятью заклепками, расположенными крестом, относятся к числу популярных разновидностей панцирных пластин населения Центральной Азии и Южной Сибири позднего Средневековья и раннего Нового времени [Бобров, Ожередов, 2021, с. 90, 91]. На сегодняшний день нам известно о более чем 200 подобных пластинах, происходящих с территории южных районов Западной Сибири, Минусинской котловины, Причудымья, Восточного и Юго-Восточного Казахстана, Западной Монголии и Тибета. Они представлены как одиночными находками, так и целыми сериями, элементами или фрагментами защитного вооружения (рис. 5). В трех случаях они частично или полностью сохранили органическую основу. Наряду с рассматриваемым фрагментом доспеха из ГИМ к ним относятся трехчастная пластинчато-нашивная бармица из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ), а также наспинная часть доспеха, хранящаяся в одном из музейных собраний Тибетского автономного района Китайской Народной Республики (ТАР КНР)⁷.

Бармица шлема из ТГИАМЗ состоит из 23 пластин (рис. 5, 1, 2)⁸. Большинство из них имеет высоту 8,3–7,5 см при ширине 7,2–6,7 см. Размеры самой крупной пластины, расположенной по центру бармицы, 8,7 × 8,0 см. Для повышения эластичности защитных сегментов часть пластин имеет вырезную форму. Органическая основа бармицы выполнена из мягкой кожи и покрыта зеленой шерстяной тканью, фактура которой близка к органической «покрышке» доспеха из ГИМ (рис. 5, 2). По краю наушников и назатыльника пропущена кожаная окантовка. Как и на пластинах из раскопок В. В. Радлова, железные шляпки заклепок бармицы снабжены органическими подложками-«шайбочками» [Там же, с. 156–159].

Наспинник доспеха из ТАР КНР состоит из семи горизонтальных рядов пластин (рис. 5, 4). Вертикальный «хребтовый» ряд представлен шестью крупными прямоугольными рельефными пластинами с шестью заклепками, сгруппированными в виде цветка (одна – в центре, пять – по краям). Остальные пластины снабжены пятью заклепками, расположенными крестом. Левая часть наспинника состоит из семи горизонтальных рядов пластин (всего 24 экз.). Четыре верхних ряда насчитывают по три пластины в каждом. Три нижних ряда состоят из четырех пластин каждый. Правая сторона наспинника имеет повреждения. В настоящее время она состоит из семи горизонтальных рядов пластин по две пластины в каждом (нижняя крайняя пластина утеряна). Если изначально наспинник был симметричен, то он, вероятно, состоял из 55 пластин (в том числе семи «хребтовых»). Плечи прикрывались стальными стреловидными «погончиками», к которым могли крепиться пластинчато-нашивные наплеч-

⁷ Некоторое время данный доспех экспонировался в «Музее Тибета» («Tibet Museum», г. Лхаса). Настоящее место хранения не установлено.

⁸ В настоящее время бармица подвешена к цельнокованому полусферическому шлему (инв. № ВО-70), однако первоначально она относилась к ойратскому сфероцилиндрическому шлему № ВО-171 [Бобров, 2009, с. 251–254; Бобров, Ожередов, 2021, с. 156].

ники или панцирные нарукавья. Наспинник из ТАР КНР сохранил лишь один «погончик» (см. рис. 5, 4), однако данный конструктивный элемент хорошо известен по другим ойратским и монгольским доспехам XVII–XVIII вв. [Бобров, Ожередов, 2021, с. 66, рис. 30, 1, 2, 8; с. 67–71].

Рис. 5 (фото). Рельефные пластины с пятью заклепками с территории Центральной Азии и Южной Сибири: 1, 2 – шлем с бармицей, ТГИАМЗ (фото Л. А. Боброва; без масштаба); 3 – панцирная пластина с территории Минусинской котловины (лицевая и тыльная стороны), частная коллекция (фото Ю. А. Филипповича; без масштаба); 4 – наспинник доспеха, ТАР КНР (фото из сети Интернет; без масштаба)

Fig. 5 (photo). Embossed plates with five rivets from the territory of Central Asia and South Siberia: 1, 2 – helmet with a camail, Tobolsk State Museum Preserve (photo by L. A. Bobrov; no scale); 3 – armor plate from the territory of the Minusinsk basin (front and back sides), private collection (photo by Yu. A. Filippovich; no scale); 4 – back of the armor, TAR PRC (photo from the Internet; no scale)

Значительный интерес представляет тот факт, что наспинник из ТАР КНР, как и фрагмент доспеха из ГИМ, покрыт тканью красного цвета. Однако под этой относительно тонкой матерчатой «покрышкой» (как и на бармице шлема из ТГИАМЗ, и на рассматриваемом панцирном фрагменте из раскопок В. В. Радлова) скрывается более грубая и плотная органическая основа (см. рис. 5, 4).

Судя по особенностям покроя, доспех из ТАР КНР представлял собой «кирасу» с одним или двумя боковыми разрезами [Бобров, Худяков, 2008, с. 15, рис. 5, 1–3]. Однако он мог быть изготовлен и в виде «жилета» со сплошным осевым нагрудным разрезом [Там же, рис. 5, 4]. В обоих случаях корпусный панцирь мог дополняться наплечниками или нарукавниками, а также более или менее длинными набедренниками.

Размеры и форма пластин панцирного фрагмента из ГИМ, а также наличие пряжек указывает на то, что он являлся частью корпусного доспеха, а не бармицы шлема. На дошедших до нашего времени центральноазиатских «куяках», скроенных в виде распашного «халата», пряжками и фиксаторами обычно снабжены все верхние и центральные пластины, расположенные вдоль осевого разреза [Бобров, Ожередов, 2021, с. 42, 43, 69, 70, рис. 33, 4]. На панцире из ГИМ пряжки приклепаны через одну пластину, что, возможно, свидетельствует в пользу того, что доспех имел не осевой, а боковой разрез. В этом случае он мог быть скроен в виде «кирасы» [Ленц, 1895, табл. I, 58; Бобров, Худяков, 2008, с. 15, рис. 5, 1–3; Большой атлас..., 2008, с. 331, 341, 350] или, менее вероятно, «катафрагты» с длинными набедренниками [Горелик, 1979, с. 98, рис. 5б; Бобров, Худяков, 2008, с. 15, рис. 5, 5].

Наиболее вероятно, что пластины из ГИМ не составляли самостоятельного защитного элемента, а были отрезаны от более крупного фрагмента защитного вооружения (предположительно, нагрудника или наспинника корпусного доспеха). Судя по сохранившимся аналогам, основная масса пластин располагалась вертикально, наподобие черепицы, таким образом, что пластины примерно на $\frac{1}{5}$ перекрывали друг друга, образуя двойной, а в некоторых местах даже тройной защитный слой.

Особенности конструкции и оформления пластин из ГИМ, ТГИАМЗ, ТАР КНР и др. указывают на то, что они были изготовлены в рамках одной военно-культурной традиции примерно в одно и то же время. Нижней границей распространения рельефных (ярусных) пластин аналогичной или схожей конструкции является вторая половина XVI в. [Бобров, Ожередов, 2021, с. 29]. Известные материалы позволяют предположить, что подобные пластины продолжали применяться в Центральной Азии и Южной Сибири вплоть до середины XVIII в., когда в результате падения Джунгарии и разрушения ее оружейных производственных центров центральноазиатские и южносибирские пластинчатые доспехи стали выходить из широкого военного обихода, замещаясь защитным вооружением цинского образца.

Ареал распространения рельефных (ярусных) пластин с пятью заклепками, расположенными крестом, во многом соответствует ареалу военно-политической активности монголоязычных кочевников-ойратов, которые в XVII – первой половине XVIII в. развернули масштабную экспансию на территории Южной Сибири, Монголии, Восточного и Юго-Восточного Казахстана, а также Тибета [Бобров, Ожередов, 2021, с. 9, 95–98, 102–104]. В крупнейшем государстве ойратов – Джунгарском *хунтайджийстве*⁹ были созданы оружейные предприятия, производившие различные виды панцирей и шлемов. Помимо этого, ойраты массово взимали с населения Южной Сибири как готовые пластинчатые панцири-«куяки», так и полуфабрикаты для их изготовления [Бобров, Ожередов, 2021, с. 95–98].

Судя по местам находок пластин рассматриваемого типа, они применялись населением Южной Сибири (Причулымья, Минусинской котловины), «чакарскими калмыками», кочевавшими на территории южных районов Западной Сибири, джунгарами, а также, возможно,

⁹ В отечественной историографии Джунгария часто именуется ханством. Однако правители из дома Чорос не являлись потомками Чингисхана и, по монгольской традиции, не имел прав на титул хана. Из всех джунгарских правителей данным титулом обладал лишь Галдан Бошукту-хан, которому он был вручен по решению Далай-ламы [Бобров, Ожередов, 2021, с. 103].

некоторыми другими народами региона. Появление подобного доспеха в Тибете могло быть связано, как с военными походами ойратов в данный регион в XVII – первой четверти XVIII в., так и с подношениями ойратских феодалов тибетским ламам и монастырям [Бобров, Худяков, 2008, с. 48; Бобров, Ожередов, 2021, с. 102–104]¹⁰.

Сложнее определить место изготовления пластин рассматриваемой конструкции и системы оформления. Наиболее вероятно, что они массово производились на территории Южной Сибири (в частности, во владениях енисейских кыргызов и их соседей). Однако не исключено, что их могли изготавливать и на территории Джунгарии, тем более что джунгарские *хунтайджи* осуществляли практику переселения некоторых народов Южной Сибири, в том числе и упомянутых енисейских кыргызов, вглубь своих владений [Бобров, Худяков, 2008, с. 633]. Кроме того, зафиксированы случаи вызова в Джунгарию южносибирских кузнецов-оружейников. Так, например, в первой половине 40-х гг. XVIII в Ургу (ставку *хунтайджи*) были вызваны мастера сибирских ясачных волостей. Отставной казак И. Шабалин в конце февраля 1744 г. обнаружил в Таутелеутской волости уведенных ясачных людей «со всеми кузнечными снастями», «которые делают на... зюнгорского владельца ружье и стрельные железца (наконечники стрел. – Л. Б., С. 3.), *пансыри* и *куяки* (курсив наш. – Л. Б., С. 3.), и за ту де их работу дается им от Галдан Черена (т. е. джунгарского *хунтайджи* Галдан-Церена. – Л. Б., С. 3.) жалованье, а прежде они имели жительство в Елейской 9 человек, Кузенской 8 человек, Шерской 4 человека, Шекальской 5 человек, Верхкумандинской 8 человек, итого 34 человека. Всех забрали с женами и детьми. Телеуты подтвердили, что таких кузнецов человек 40» [Бобров, Ожередов, 2021, с. 97, 98].

Дополнительным подтверждением связи фрагмента панциря из Причудульмья с центральноазиатской и южносибирской военно-культурной традицией являются особенности его декоративного оформления. Так, в частности пряжки, выполненные в виде стилизованного цветочного бутона, встречаются на панцирных пластинах из Минусинской котловины [Бобров, Ожередов, 2021, с. 93, рис. 48, 7]. Сочетание гравировки и канфарения для украшения поверхности металлических элементов характерно для ойратского защитного вооружения XVII – середины XVIII в. [Там же, с. 106, рис. 51, 1, 4, 5]. Образ четырехлепесткового цветка с заклепкой в центре встречается на пластинах бармиц и корпусных панцирей ойратского и южносибирского производства указанного периода [Там же, с. 91, рис. 47, 10–13].

Использование цветной шерстяной ткани в качестве внешнего покрытия органической основы панцирных элементов также типично для изделий центральноазиатских и южносибирских оружейников XVII – середины XVIII в. [Там же, с. 38–39, 42, 43, 46, 126, 127, 156, 157–159].

Заключение

На основании анализа конструкции и системы оформления панцирных пластин из собрания ГИМ (инв. № ГИМ 54746 Оп. В 1037/82-103) установлено, что они могли быть изготовлены ойратскими или южносибирскими мастерами XVII – середины XVIII в.¹¹, что хорошо коррелирует с находкой в одном из курганов русских медных монет первой половины XVII в. Таким образом, проведенный оружейведческий анализ панцирных пластин подтвердил предложенную В. В. Радловым датировку указанных памятников Причудульмья XVII в.

¹⁰ Практика подношения панцирей и шлемов представителям буддийского духовенства была широко распространена среди знати монголоязычных народов Центральной Азии XVII–XVIII вв. Благодаря ей до нашего времени дошло большое количество богато оформленных шлемов и панцирей монгольской и ойратской знати данного периода [LaRocca, 2006, p. 75–81, 83, 84, 87–91, 99].

¹¹ Наиболее вероятным временем изготовления рассматриваемого панциря можно считать XVII в. Однако следует учитывать, что столь дорогой образец защитного вооружения мог применяться на протяжении длительного времени.

Рассматриваемые пластины входили в состав пластинчато-нашивного (пластинчато-клепаного) доспеха. Панцири подобного типа были известны в Европе под названием «бригандина», а среди тюркских народов и на Руси – как «куяк». Отличительной особенностью эталонных образцов таких доспехов является конструкция защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепятся к плотной органической (как правило, многослойной) основе с внутренней стороны.

Наиболее вероятно, что пластины из ГИМ не составляли самостоятельного защитного элемента, а были отрезаны от более крупного фрагмента защитного вооружения (предположительно, нагрудника или наспинника корпусного доспеха).

Судя по форме и размерам пластин, а также по наличию пряжек, в погребение был помещен фрагмент «куяка», расположенный у бокового или нагрудного осевого разреза. Наиболее вероятно, что панцирь мог представлять собой «кирасу» с одним или двумя боковыми разрезами. Менее вероятно, что доспех был скроен в виде «катафракты» с длинным подолом, безрукавного «жилета» со сплошным осевым разрезом или распашного «халата».

Список литературы

- Бобров Л. А.** «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, № 3. С. 251–254.
- Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.** Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь «куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.** Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: Abdi Company, 2008. 880 с.
- Горелик М. В.** Средневековый монгольский доспех // Третий международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1979. С. 76–100.
- Кренке Н. А.** Коллекция В. В. Радлова из раскопок курганов в XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. С. 137–145.
- Ленц Э.** Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметьева. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. 223 с.
- Радлов В. В.** Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Соловьев А. И.** Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Худяков Ю. С.** Защитное вооружение кыргызского воина в позднем Средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: НГУ, 1991. С. 87–100.
- LaRocca D.** Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York, 2006, 307 p.

References

- Bobrov L. A.** “Tatarskiy” shlem s kombinirovannoy barmitsey iz Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika [“The Tatar” Helmet with Combined Camail from the Tobolsk State Historical-Architectural Museum-Reserve]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2009, vol. 8, no. 3, pp. 251–254. (in Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S.** Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Armament and tactics of the nomads of Cenral Asia and Southern Siberia during the

- late Medieval and Early Modern Ages (15th – first half of the 18th century A.D.]. St. Petersburg, Fac. philol. and arts of St. Petersburg State University, 2008, 770 p. (in Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I.** Dospekh voina Dzhamsharana [Armor of the warrior Jamsaran]. Tsentral'noaziatskii pantsir'-"kuyak" iz sobraniya MAES TGU [Central Asian armor-"kuyak" from the collection of MAES TSU]. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 228 p. (in Russ.)
- Bol'shoi atlas istorii i kul'tury Kazahstana [The Big Atlas of the History and Culture of Kazakhstan]. Almaty, Abdi Company Publ., 2008, 880 p. (in Russ.)
- Gorelik M. V.** Srednevekovyi mongol'skii dospekh [Medieval Mongolian armor]. In: Tretii mezh-dunarodnyi kongress mongolovedov [Third International Congress of Mongolian Studies]. Ulan-Bator, 1979, pp. 76–100. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Zashchitnoe vooruzhenie kyrgyzskogo voina v pozdnem Srednevekov'e [Protective weapons of the Kyrgyz warrior in the late Middle Ages]. In: Problemy srednevekovoi arkheologii Yuzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Medieval Archeology of Southern Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Press, 1991, pp. 87–100. (in Russ.)
- Krenke N. A.** Kolleksiya V. V. Radlova iz raskopok kurganov v XVII v. v Sibiri [Collection of V. V. Radlov from excavations of burial mounds in the 17th century in Siberia]. In: Zapadnaya Sibir' v epokhu Srednevekov'ya [Western Siberia in the Middle Ages]. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 1984, pp. 137–145. (in Russ.)
- LaRocca D.** Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York, 2006, 307 p.
- Lents E.** Opis' sobraniya oruzhiya grafa S. D. Sheremetyeva [Description of the collection of weapons of count S. D. Sheremetyeva]. St. Petersburg, M. M. Stasyulevich Publ., 1895, 223 p. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary Pages]. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.)
- Soloviev A. I.** Voennoe delo korenного naseleniya Zapadnoi Sibiri. Ehpokha Srednevekov'ya [Military affairs of the indigenous population of Western Siberia. Epoch of the Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 193 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Леонид Александрович Бобров, доктор исторических наук
Сергей Сергеевич Зозуля, младший научный сотрудник

Information about the Authors

Leonid A. Bobrov, Doctor of Sciences (History)
Sergey S. Zozulya, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 05.07.2021;
одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 14.10.2021
The article was submitted 05.07.2021;
approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 14.10.2021*